

ВОИНСКИЕ ЦЕННОСТИ И РЫЦАРСКИЕ ИДЕАЛЫ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ (ПО ПРОИЗВЕДЕНИЯМ БЕРТРАНА ДЕ БОРНА)

Хадикова А.Х.¹

¹ФГБОУ ВПО «Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова» Владикавказ, Россия (362025, РСО-Алания, г. Владикавказ, ул. Ватутина, 46) khadikovaa@mail.ru

В статье на основе анализа сирвент Бертрана де Борна, с применением историко-ретроспективного подхода рассматриваются воинские традиции, ценности и идеалы рыцарства с двух изыскательских позиций: как важнейший универсальный социокультурный феномен, а также как значимая часть культурного и духовного наследия западноевропейского средневековья. Статья выполнена в рамках исторической медиэвистики с применением исследовательских подходов, принятых в военно-исторической антропологии, в частности анализа культурного аспекта войны. Рыцарство и все связанные с ним социальные конструкты рассматриваются не только как факт аристократического имиджа. Культурные компоненты и ценности феномена «рыцарство» имеют более широкие полномочия: они функционировали в общесоциальном масштабе, создавая и структурируя основы морали средневекового западноевропейского социума.

Ключевые слова: моральные ценности, рыцарские идеалы, воинское сословие, социокультурный феномен, средневековый социум, западноевропейское рыцарство, культурное наследие

MILITARY VALUES AND KNIGHT' SIDEALS OF THE WESTERN EUROPEAN MIDDLE AGE IN THE WORKS OF BERTRAN DE BORN

Khadikova A.K.¹

¹Federal State Educational Establishment of high professional education North-Ossetian State University after K.L. Khetagurov. Vladikavkaz, Russia (362025, the Republic North Ossetia-Alania, Vladikavkaz, 46 Vatutinastreet); mail: khadikovaa@mail.ru.

In the article we considere the military traditions, values and ideals of knights on the basis of the analysis of B.de Born'ssirvents from two research positions: as the most important universal sociocultural phenomenon, and as essential part of cultural and mental heritage of western European Middle Age. The article is carried out in the frame of historic mediévistics with application of investigation approaches, used in military historic anthropology, in particular the analysis of cultural aspect of war. Knightship and all social constructors are revealed not only as the fact of aristocratic image. Cultural components and values of the phenomenon "Knightship" have wide authorities: they functioned in common social scale, creating the moral basis of the Middle Age western European society.

Keywords: moral values, knights' ideals, military estate, sociocultural phenomenon, Middle Age society, westwrn European knightship, cultural heritage

Статья основана на опыте преподавания курса «История культуры средневековой Европы» на историческом факультете и имеет целью представить уникальный феномен средневекового рыцарства во взаимодействии разных изыскательских подходов. Во-первых, с позиций военно-исторической антропологии, недавно сформировавшейся в исторической науке [3]. С помощью смежных наук (культурологии, философии, политологии, социологии, психологии и др.) она призвана исследовать самые разные аспекты войны, в том числе и социокультурный. Второй исследовательский ракурс предопределен причиной популярности изучения рыцарства в современной медиэвистике, а конкретно – его связью со всем комплексом системообразующих черт средневекового социума.

Европейское рыцарство как военное сословие возникло в VIII в. у франков и было связано с образованием конного войска вассалов, в эпоху Крестовых походов оно

преобразовано в наследственную аристократию. К концу средних веков феодальное рыцарство предстало на исторической арене уже как организованное политическое сословие нетитулованной знати, которому свойственно развитое нравственное кредо, в основе которого — возвышенный идеал и этика воина.

Вне сомнений, рыцарство с его четко сформированным аристократическим имиджем соотносимо с элитой средневекового общества. Но как социальный феномен оно имело более широкие нагрузки и полномочия — рыцарская этика, связанные с ней поведенческие стереотипы и ментальные образы служили высоким примером и поведенческим образцом в том числе и для «неблагородных» сословий, являясь, таким образом, самым харизматичным эпохальным символом. В целом воинские доблести и ценности как высшее проявление рыцарского идеала, функционируя в общесоциальном контексте, воплощали самый яркий и чрезвычайно эстетизированный пласт культуры западноевропейского средневековья.

Важнейшим из неписаных правил рыцарского кодекса чести была готовность к подвигу и даже к героической смерти во имя высшей цели. В сущности, это не что иное, как родовая черта воинского сословия. В своих конкретных воплощениях подобный идеал зачастую обретал избыточный характер, особенно на заре становления рыцарского сословия. На воспитание безукоризненного мужества и прочих столь востребованных воинских качеств уходили годы физического и духовного напряжения, и не только в Западной Европе.

Отметим, что тема поведения рыцаря имеет самый широкий этнокультурный контекст и позволяет рассматривать ее на пространствах от Гибралтара до Японских островов. Хотя мы не ставим своей целью проведение евразийских параллелей, все же отметим, что даже поверхностный обзор воинских сословий в разных этнических культурах убедительно доказывает типологическую близость западного рыцарства некоторым другим социальным образованиям — сословно-классовым, кастовым, варновым группам. Это – и раджпуты Индии, и японские самураи, и монгольские «батыры», и арабские фарисы, кавказское воинство и др. Интересно, что между западноевропейскими «воинами» и их восточными и южными «коллегами» — скифами, сарматами и аланами — отчетливо проявлены не только типологические, но и генетические параллели. В первую очередь это касается общих черт поведения в бою, а также нравственных мотиваций «героики», в целом рыцарских стереотипов [6].

Действительно, особенный стиль рыцарского поведения сформировался как идеал, нравственный образец во многих этносах. Своеобразный кодекс поведения воинских сословий стал историко-этнографической реальностью разных народов, и в нем культивированы достаточно универсальные качества и характеристики: отвага, мужество,

доблесть, верность, справедливость, щедрость, уважение к противнику, свободолюбие, обходительность в отношении женщин и т.п.

Разумеется, главной ипостасью рыцаря была воинская, она доминировала над всеми прочими его «амплуа», тем более что успех в светских обязанностях (добропорядочного вассала, поборника религии, защитника чести и пр.) ему обеспечивало личное преуспевание в воинском мастерстве. Для характеристики западноевропейского воинского сословия важно также, что рыцарская идеология, оправдывающая войну и соответствующие ей действия в богоугодных целях, складывалась в тесном взаимодействии с христианской церковью и даже при ее деятельном участии. В первую очередь это касается усердия отцов церкви, в частности Августина Блаженного, который сформулировал понятия войны праведной и неправедной. Война, по его учению, оправдана, если ведется за утверждение мира и безопасности, в этом Августин видел истинное предназначение и миссию христового воинства, повсеместно утверждающего заповеди Христа. Рыцарь мыслился исключительно как воин-христианин, и отнюдь не случайно провозглашение рыцаря поборником мира было одним из важнейших элементов ритуала посвящения в рыцари.

Идеал «настоящего» рыцаря охватывал все сферы повседневности, обрядово-ритуальной практики, но в наивысшей степени он воплощался в различных коллизиях войны. Несмотря ни на что, сверхидеей, основой своеобразной субкультуры рыцарского сословия была война и производные от нее духовные ценности. Разумеется, в наибольшей для исследователя достоверности эти ценности содержатся в текстах собственно средневековой эпохи.

В частности, идея войны как самоценности, а также все связанные с ней культурные конструкты отчетливо присутствуют в творчестве известного провансальского трубадура эпохи виконта Готфорского Бертрана де Борна. В его сирвентах война не только героизирована, но и романтизирована — настолько, что автор только с ней связывает пробуждение самой природы: «Ради чего весной ранней /расцветают повсюду/цветы и травы? /чтобы дать всем знать:/ пришел славный сезон войны» [4, с. 94]

Вероятно, за убеждения, подобные следующим: «Мир мне не в сладость, война мне в радость» [1, с. 95], Данте Алигьери в своей «Божественной комедии» определил место трубадура-вояки в восьмом круге ада, там, где вечные муки наряду с лицемерами и лукавыми советчиками терпят и зачинщики раздора. Как грешника, воевавшего даже с родным братом, и подстрекателя мятежа принца Генриха против собственного отца великий Данте, живший много позднее Борна, изобразил его в аду, носящим свою собственную отсеченную голову. И это несмотря на уже оговоренную нами выше концептуальную оправданность войны в средневековье.

Бертран де Борн — один из последних поэтов времени подъема поэзии трубадуров. Творчество этого, пожалуй, самого интересного персонажа и явления куртуазной литературы приходится на 1181–1199 гг. и может быть рассмотрено как весьма важный исторический источник. Анализируя сирвенты Бертрана де Борна, исследователь может реконструировать систему ценностей рыцарского менталитета, его социальный и нравственный аспекты, а также моральные приоритеты элиты развитого западноевропейского феодального общества. Вовсе не случайно литературное наследие Бертрана де Борна в силу его исторической значимости интересует практически всех.

По сути, система куртуазных ценностей, абсолютным носителем которых и являлся Борн, состояла из вполне определенных, признанных в обществе «добродетелей». В их число входили: щедрость в отношении тех, кто хорошо служит, моральные ценности в стиле поведения, самообладание, сдержанность, самоотречение [2, с. 124]. Но самая важная характеристика рыцаря — это храбрость, сочетающаяся с жаждой сражений [7]. Типичным носителем подобной рыцарской ментальности и был знаменитый средневековый певец войны Бертран де Борн. По справедливому утверждению К.А. Иванова, «он любил войну ради нее самой; никакими высшими соображениями при появлении войны он не задавался: ему было безразлично, за что и с кем воевать». [5, с. 93]. Учтем, однако, и другое, весьма ценное с точки зрения исследования самой сути поэзии трубадуров утверждение Р.А. Фридмана о том, что основным ее источником был их интерес к душевной природе человека и к психологии любви [9, с. 83–85].

Действительно, рыцарь — это в первую очередь непревзойденный воин, но он не должен быть тривиальным рубакой, он в наивысшей степени духовен. И не только в служении христианской вере сосредоточены одухотворенность и благородство рыцаря — он непременно должен быть влюблен. Известно, что идеалом любовной поэзии Борна, его «прекрасной дамой» была супруга эн Талейрана, Мазут де Монтиньяк.

С позиций исследуемой нами проблематики важно, что в куртуазной культуре в отношении рыцарского служения даме фиксируется реальность социальных связей развитого феодального общества. Многие исследователи допускают перенос социальных реалий средневекового общества на любовные отношения именно потому, что избранный рыцарь терял свободу, поступая в зависимость к своей даме [5, с. 22–23]. Это предположение более допустимо, если учесть этимологию самого слова «дама»: в окситанском языке оно звучит как «донна» (от лат. *domina* — «госпожа»), в общении со своей дамой рыцарь нередко использовал и другое обращение: «mindos», что значит «мой господин» [2, с. 46]. Сошлемся также на мнение о том, что идея служения даме могла сложиться под воздействием объективного усиления ее авторитета и социального веса. В ее распоряжение поступали все

владения мужа на время его участия в военных предприятиях [2, с. 49]. В «Жизнеописании» Бертрана де Борна присутствует сюжет о том, что Матильда, сестра Ричарда Львиное сердце, на правах полноправной хозяйки, «ценя честь и славу и зная эн Бертрана как мужа доблестного и всеми чтимого, способного ее всячески возвеличивать, такой ему оказала почет, что был он весьма польщен и так в нее влюбился, что принялся ее восхвалять и славить» [4, с. 63].

Верный традициям своей эпохи, Борн старательно служит даме, он дает подробные описания пиров с участием Матильды: «на королевском пиру/возле нее, как велит господин / на подушке сижу» [4, с. 61.] Борн пишет также: «Вашу признав высоту/ я б гибельный сделал шаг / прибавив, что так же чту/ герцогов и королей» [4, с. 62], имея в виду, что только дама обладает абсолютным, непогрешимым авторитетом, а «герцоги и короли» никак не могут претендовать на подобную безукоризненность. Надо также заметить, что «высокая любовь», весомо представленная в творчестве Бертрана де Борна, вероятно, объясняется не только подчинением литературной норме. В средневековой лирике возлюбленная дама рыцаря наделена идеальными чертами, а это не только делает ее поэтической аллегорией женственности вообще, но и связывает с культом Мадонны [8].

В куртуазной морали априори присутствует убеждение, что любовь возвышает рыцаря, располагает его к еще большей отваге, щедрости, щепетильности в вопросах чести, к красноречию и поэтическому дару, к верности рыцарским ценностям. Предполагается, что зависимость от избранницы ни в малейшей степени не унижает достоинства рыцаря и не бесчестит его даму (как правило, замужнюю). Исследование поэзии трубадуров позволяет также вникнуть в суть престижного имиджа не только рыцаря, но и дамы. В своей сирвенте, посвященной де Монтиньяк, Бертран де Борн предельно ясно излагает свои представления по этому поводу. Прежде всего идеальная дама ценит доблесть, а не состояние: «...высшей доблести грани / в сердце зрит она, а не в сане /... / низость в складках благородной ткани / видит – и благородство в рвани» [4, с. 55]. Дама бескорыстна. Заметим между тем, что в целом на юге Франции рыцарство не столь тесно было связано с землевладением.

В другом своем произведении «Люблю, чтобы под старость отдавали...» Борн продолжает созидать образ благородной дамы, он связывает с ее именем честь замка, родовую честь: «И чтобы донну молодой считали, / достойных чтить ей подаю совет / и отстранять все подлое подале» [1, с. 97]. Напомним, что молодость в куртуазной литературе ассоциируется не только с возрастом, но и с благородными добродетелями. И, конечно, дама должна быть красива. Умение и желание заботиться о своей внешности – весомая часть ее благочестивых устремлений, и она обязана следить за тем, чтобы «тело и наряд / неряшеством не оскорбляли взгляд» [1, с. 97]. «Законами» рыцарской чести канонизированы

качества, которыми должна руководствоваться любая благородная дама, выбирая достойного возлюбленного: «Мила любезность ей, благие вести,/ но также – двор, турниры, брань, война: / в ком тяга к высшей доблести сильна» [4, с. 58].

Серьезнейшим аспектом этики средневекового западноевропейского воинства являются нормы взаимоотношений рыцаря с его сеньором. Бертран де Борн в своих сирвентах нередко критиковал и тех и других, оценивая их по критериям куртуазных норм. Даже баронов он порицал за недостойные поступки. Таковыми он считал те, что лишены воинских идеалов, некоторые пороки. Факты рыцарского бесчестья звучат удивительно актуально и сейчас. В первую очередь это авантюры с результатами рыцарских турниров: «турнирных знаю рубак; / спустив именья отцов, / они слабейших бойцов / ищут, с бесстыдством делят / построив ристаний планы» [4, с. 63]. Он осуждает своих современников и за чрезмерную тягу к роскоши в постройках – по его мнению, «зодчие» «живут, забыв простоту», что недостойно истинного носителя воинственных идеалов [4, с. 62]. Борн порицает излишнюю страсть к охоте «Кто кроме рыб и зверей, / под власть потравщиков нив / подпасть ощутит позыв?» [4, с. 62].

Как истинный ревнитель подлинных воинских идеалов, он презирает беспочвенные столкновения и прочие проявления немотивированной агрессии: «...знать не хочу о знати, / нет учтивости в них и стати,/ на уме лишь брани да рати, / смысл войны же для них в захвате» [4, с. 55]. Борн не был беден, но все же он осуждает баронов, не держащих своих обещаний, материально ущемляющих своих вассалов: «взяв на службу, молчат о плате» [4, с. 55]. Куртуазный трубадур Бертран де Борн отчаянно горюет о том, что «пропал цвет рыцарства», вместо него лишь «золотые мешки», попавшие «из грязи в князи», «щеголи-вертопрахи», «пустые и вялые» для любви [4, с. 99].

Как идеального барона он воспринимает не только «щедрого», но того, кто проникнут идеалами рыцарства: «Лишь тот мне мил среди князей, / кто в битву ринуться готов, / чтоб пылкой доблестью своей / бодрить сердца своих бойцов / доспехами бряцая» [4, с. 94–95]. Несмотря ни на что, Бертран де Борн оказался способным проникнуться духом новой ментальности, по сути, осуждающей прежние раздоры и утверждающей новый стиль – культуру переговоров: « Я, право, не зачинщик смут, / хоть грандов побуждаю биться />» [4, с. 93]. Однако, как подлинное дитя своего времени, он продолжал романтизировать и эстетизировать войну. На самом деле необходимо признать, что война предоставляла шанс молодым и небогатым рыцарям не только повысить свой личный престиж, но и в какой-то степени подтвердить свою независимость: «Ведь вальвассоры смогут тут / и шателены) отличиться./ Для радости причины есть:/щедрее гранды и любезней,/ коль о войне слышат весть./ И мира тем война полезней!» [4, с. 94].

Несмотря на то что образ и идеал «рыцарского поведения» достаточно условен, его проявления, аллюзии и реминисценции еще долго оставались привлекательными для людей, далеких от военного дела. Идеология рыцарства – уникальный социокультурный феномен европейского средневековья, исследование которого чрезвычайно важно не только в контексте исследований различных аспектов средневекового социума, проблем феодализма и иного, но и для понимания европейской цивилизации как таковой. Это касается и нашего времени, когда ценности ушедших эпох не только не забыты окончательно, они в какой-то мере остаются идеалом в отношениях вынужденной конкуренции, соперничества и борьбы. Собственно, в этом и заключается основная заслуга идеи и концепции «рыцарства» в современных условиях постиндустриального общества: она дает возможность исходить из соображений чести в спорте, в политических и научных противостояниях и т.д.

Список литературы

1. Бертран де Борн // Поэзия трубадуров. Поэзия миннезингеров. Поэзия вагантов. / Под ред. М. Ваксмахера и др. М.: Художественная литература, 1974. – С. 94–102
2. Брюнель–Лобришон Ж., Дюамель–Амадо К. Повседневная жизнь во времена трубадуров XII–XIII вв. М.: Молодая гвардия, 2003
3. Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2002. Предмет, задачи, перспективы развития. Отв.ред. и сост. Е.С. Сенявская. М.: РОССПЭН, 2002
4. Жизнеописания трубадуров. Сост. Мейлах М.Б.М.: Наука, 1993
5. Иванов К.А. Трубадуры, труверы и миннезингеры. М.: Ломоносов, 2014.
6. Кардини Ф. Истоки средневекового рыцарства М.: Прогресс, 1987
7. Мейлах М.Б. Средневековые провансальские жизнеописания и куртуазная культура трубадуров // Жизнеописания трубадуров. М., 1993. С. 507–549
8. Самарин Р.М., Михайлов А.Д. Лирика Прованса // История всемирной литературы. М., 1984. Т. 2. С. 531–539.
9. Фридман Р.А. «Кодекс» и «законы» куртуазного служения даме в любовной лирике трубадуров // Ученые записки. Рязанский государственный педагогический институт. Т. 34. Выпуск 2, М. 1966. — С. 83–85

Рецензенты:

Хубулова С. А., д.и.н., профессор, зав. кафедрой политической истории и философии ФГБОУВПО «Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова», г. Владикавказ;

Койбаев Б.Г. , д.и.н., профессор, зав. кафедрой всеобщей истории ФГБОУВПО «Северо-Осетинский государственный университет им, К.Л. Хетагурова», г. Владикавказ.